УДК 947(571.1/5)

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ССЫЛКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

И.Н. Никулина

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. г. Барнаул
E-mail: innikulina@mail.ru

Рассматривается пребывание ссыльных поляков — участников восстания 1863 г. в Царстве Польском на Алтае, предпринята попытка определения их численности, сословного состава, размещения, рода занятий в регионе.

В последнее время история русско-польских отношений, польского освободительного движения XIX в. получила достаточно широкое освещение в российской и польской историографии, чему в немалой степени способствовало расширение научных, экономических, культурных контактов России и Республики Польши. Безусловно, это коснулось и проблемы пребывания поляков в Западной Сибири, в том числе и на Алтае. Следует отметить, что под Алтаем подразумевается Алтайский горный округ, включавший территорию современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан.

Среди политических ссыльных, находившихся на Алтае, значительное количество составляли участники польского национально-освободительного движения 60-х гг. XIX в. Как известно, 5 марта 1864 г. императором были утверждены правила высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников восстания 1863 г. в Царстве Польском. Среди городов Западной Сибири, определенных для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы и города Алтайского горного округа Бийск, Кузнецк [1].

Найденный нами в фонде Государственном архиве РФ (ГАРФ) список польских политических преступников, находившихся на жительстве в Барнауле, состоящий из 54 человек, свидетельствует о том, что Барнаул был также пунктом сосредоточения польских политссыльных [2]. Он содержит важные сведения о польской ссылке на Алтае. Часть ссыльных была зачислена на службу рядовыми в 10 линейный Сибирский батальон г. Барнаула, "часть переведена в линейные батальоны № 12, 14 Усть-Каменогорска и № 7 Семипалатинска" [2]. К сожалению, подробности об условиях жизни этих ссыльных на Алтае малоизвестны ввиду ограниченности сведений о них. Несомненно, все они находились под полицейским надзором. Однако, в рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. отмечалась сложность осуществления надзора и указывалось, что "людей подобного разряда до нынешнего года никогда в Барнаул не присылали, и, хотя они состоят под надзором полиции, но состав барнаульской полиции так ничтожен, что не представляется никакой возможности подробно следить за образом жизни сих людей" [3].

Упоминания о ссыльных поляках в Кузнецке содержатся в воспоминаниях известного участника

революционного движения, экономиста, социолога, публициста, писателя В.В. Берви-Флеровского и его жены. В.В. Берви отмечал сближение с польскими ссыльными. В воспоминаниях он указывал, что "во время моего пребывания в Кузнецке и вообще в Сибири (1866 г.) туда высылались в большом количестве поляки, прикосновенные к восстанию" [4]. В воспоминаниях Екатерины Ивановны Берви содержатся упоминания о ссыльных поляках братьях Ландсбергах, Конюшевском, Кухарском, Ковальском, общающихся с Берви, часто собирающихся вместе и беседующих [5]. Характеризуя польских ссыльных Кузнецка, Екатерина Ивановна отмечала, что "большинство были шляхтичи с элементарным образованием. Кое-кто знал ремесло, и те сравнительно устраивались. Дворяне получали по 6 руб. в месяц ..., но большинство должно было проявлять настоящее искусство, чтобы прожить на свой паек" [5]. Многие из ссыльных занимались ремеслами. Например, Феликс Альбертович Ковальский обучался сапожному мастерству, младший Ландсберг – кузнечному. Домановский пек вкусный пшеничный хлеб, изготовлял колбасы и сосиски [5]. Несомненно, занятия ремеслом в Сибири оказывали определенное влияние на жизнь и быт местного населения.

В воспоминаниях Е.И. Берви указывалось на дружбу семейства Берви с ссыльными поляками. "На пасху муж разослал полякам чуть не весь запас имевшихся у нас визитных карточек. Когда все они собрались, то у нас было так тесно, что с трудом можно было пробираться в толпе. Пели ... и какие то были чудные песни" [5]. Сам Берви подчеркивал, что поляки "к русским ненависти не имели и прекрасно уживались с русским народом" [4]. Не случайно, по его мнению, "в Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ", хотя "чиновники ... в угоду правительства разжигали в населении вражду к полякам" [4]. Тем не менее, большинство русского населения относилось к ним с сочувствием.

Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение В.В. Берви в Кузнецке полякам лекции о русских социальных идеях, в которых он критиковал социально-политические порядки в России, помещичье землевладение. О впечатлениях, производимых на слушателей лекциями, он писал: "Пылкие поляки быстро воспламенялись этими идеями" [4].

С пребыванием польских ссыльных на Алтае связана волна пожаров, прокатившихся в Барнауле с 19 по 27 августа 1864 г. Причину пожаров пытались найти в злоумышленных поджогах польских ссыльных. В рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. указывалось, что "пожары 19 августа истребили лучшую часть Барнаула и несколько строений в других частях". 19 августа сгорело 9 домов, принадлежащих разным лицам, 23 августа – 40 домов со службами ... Пожары возобновлялись еще 5 раз. 28 августа 1864 г. в управление Томского жандармского штаб-офицера доносилось, что "граждане Барнаула, раздраженные частыми последствиями очевидных поджогов, подозревали злоумышленниками, находящихся там на жительстве политических преступников как лиц, недовольных правительством ...". У одного из политических ссыльных Александра Мокроницкого "замечено было особое старание иметь свидание с товарищами из числа служащих в № 10 батальоне ... Мокроницкий и Войниканис главным образом обвиняются в злоумышленных поджогах как подстрекатели и наниматели к сему преступлению. Обвинения эти заключаются в совершавшихся тайных переговорах их между собой посредством записок, а подробнее на словах передаваемых одного к другому через рядового из политических преступников Быстрановского относительно поджогов. При обыске у Мокроницкого были найдены стихи возмутительного сочинения" [2]. Начальник Алтайских горных заводов сообщал в Кабинет, что "общий голос народа подозревает в этом поляков. Напуганный народ, находящийся в страхе и беспокойстве, до того озлился на этих поляков, что намеревается разорвать первого попавшегося поляка или бросить в огонь при первом же пожаре ...". Поэтому с целью охраны ссыльных и для успокоения жителей полякам было приказано не выходить из квартир, "Мокроницкому и другим полякам запрещено отлучаться по вечерам из своих домов" [2], за ними устанавливался строгий надзор. Тем не менее, показательно, что, несмотря на желание администрации подчеркнуть ненависть народа к полякам, при расследовании пожаров не было обнаружено доносов на ссыльных со стороны местного населения, что, несомненно, свидетельствует о хорошем отношении жителей к полякам.

Ссыльные, зачисленные рядовыми на службу в 10 батальон, были взяты под арест в особую казарму. В Барнаул выехал томский губернатор Лерхе, который возглавил специальную следственную комиссию, созданную им для выяснения причин пожаров. Следственная комиссия пыталась свалить всю вину на ссыльных, обвинив в поджигательстве четырех ссыльных поляков и барнаульских мещан.

В целом, доказательств виновности поляков не нашлось, и следствие пришлось прекратить за недостатком улик. Об этом красноречиво свидетельствует документ, найденный нами в ГАРФ [2]. Очевидно, причину пожаров следует искать не в действиях польских ссыльных, а в новом подъеме классовой борьбы, вызванной грабительским характером реформы 1861 г. А.П. Бородавкин отмечал по этому поводу, что "наиболее тяжелыми были условия освобождения мастеровых Барнаульского округа, которые не получили даже мизерного земельного надела и вышли на волю без средств существования. Поэтому недовольство реформой и ненависть к горному начальству среди них были особенно сильны" [6]. Несомненно, это привело к усилению борьбы мастеровых, проявившейся в пожарах как форме протеста против реформы 1861 г. и проводивших ее в жизнь горных чиновников. Кроме того, подобные пожары вспыхнули в Павловске и Сузуне, где поляков вообще не находилось.

Следует отметить, что в неоднократных ходатайствах начальника Алтайских горных заводов администрации Кабинета содержалась просьба о немедленном выселении всех ссыльных поляков из Алтайского горного округа, размещении их в других частях Томской и прочих губерниях, "как для спокойствия жителей края, так и в видах охранения интересов вообще Кабинета Е.В. ...". Именно после пожаров 1864 г. поляки были удалены из Барнаула. Генерал-губернатор Западной Сибири доносил министру внутренних дел 28 сентября 1864 г. о сделанном им распоряжении "о размещении по другим батальонам нижних чинов польского происхождения, состоящих в 10, расположенном в Барнауле, батальоне и начальнику Томской губернии о немедленном переведении в другие города всех состоящих на жительстве в Барнауле поляков, сосланных в Сибирь за участие в последнем восстании" [3]. Несомненно, в соответствии с этим распоряжением, большинство польских ссыльных было переведено из Барнаула в линейные № 12, 14 батальоны Усть-Каменогорска и № 7 Семипалатинска, поскольку в этих городах "не существует казенных заводов, целости которых могло бы угрожать жительство ... политических преступников из поляков ..." [3]. Информация о польских ссыльных, переведенных из Барнаула в Усть-Каменогорск и Семипалатинск, содержится в уже указанном документе ГАРФ [2]. Уместно отметить в связи с этим прошение министру внутренних дел от 19 марта 1868 г. о разрешении перевода "политических преступников из городов Бийска, Кузнецка, Колывани в города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, подобно тому, как было сделано переселение из Барнаула. В этом настоятельная необходимость, т.к. в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, – поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними" [3].

В целом, на основе изучения и систематизации архивных материалов ГАРФ, РГИА, ГАОО, ГАТО, ЦХАФ АК, воспоминаний Е.И. Берви удалось выявить 340 польских ссыльных, находившихся в этот период времени на Алтае. Из них в Бийске проживало 148 человек, в Кузнецке – 61 человек, в Колывани – 54 человека, в Усть-Каменогорске – 13 человек, в Барнауле – 51 человек, хотя в дальнейшем ссыльные поляки из Сибирского линейного батальона № 10 г. Барнаула были переведены в линейные батальоны № 12, 14 Усть-Каменогорска и № 7 Семипалатинска [2]. Следует отметить, что ввиду частого перевода ссыльных с одного места жительства на другое точный подсчет достаточно затруднен. Так 24 июля 1865 г. генерал-губернатору Западной Сибири доносилось из Семипалатинской области, что "в минувшем году из Барнаула в Усть-Каменогорск переселенных политических преступников состоит 26 человек ..." [7].

Малочисленность польской политической ссылки на Алтае обуславливалась, на наш взгляд, закрытием долгое время Алтайского горного округа для ссылки. Администрация Кабинета стремилась любыми путями отклонить водворение здесь ссыльных, "опасаясь вредного влияния людей сих на местных жителей и для сохранения спокойствия в крае ..." [3]. Необходимо отметить, что после пожаров 1864 г. в Барнауле кабинетское начальство добивалось перевода "политических преступников из городов Бийска, Кузнецка, Колывани в города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, подобно тому, как было сделано переселение из Барнаула. В этом настоятельная необходимость, так как в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, – поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними" [3].

Тем не менее, начальник Алтайских горных заводов сообщал генерал-губернатору Западной Сибири 17 ноября 1867 г., что "... несмотря на Высочайшее воспрещение политических преступников из поляков до настоящего времени поселяют в городах, расположенных в Алтайском горном округе кроме Барнаула. На 21 марта 1865 г. было водворено политических преступников из поляков в Бийске 54, Кузнецке 19 и Колывани 14 человек, вновь поселено по настоящее время в Бийске 94, Кузнецке 40 и Колывани 38 человек. Следовательно, в последний период времени поселено гораздо больше, нежели в первый" [8].

На основании списков польских политических преступников удалось определить сословный состав польских ссыльных 60-х гг. XIX в., хотя достаточно часто сведения по данному вопросу в архивных материалах отсутствуют. Поэтому сословная принадлежность значительной части польских ссыльных пока не установлена. Среди 247 польских политических ссыльных из дворян было 192 человека, из ксендзов – 19 человек, из мещан – 12 человек, из чиновников – 8 человек, из крестьян – 8 человек, из купцов – 5 человек, из военных – 3 человека. Характерно, что среди ссыльных преобладали дворяне (192 человека). К сожалению, для 93 человек в настоящее время нет сведений о сословной принадлежности.

Таким образом, в сибирской ссылке оказались различные слои польского общества, в том числе и представители католической церкви, что, несомненно, подтверждает мнение А. Каппелера о репрессиях после 1863 г. "по отношению к католическому духовенству, которое было второй после шляхты движущей силой и опорой национального сопротивления" [9].

На Алтае в этот период времени находилось 20 ксендзов, высланных на жительство под надзор полиции в Бийск (6 человек), в Кузнецк (9 человек), в Колывань (5 человек). Безусловно, это не окончательные данные. Возможно выявление новых имен.

Среди ксендзов, определенных на жительство под надзор полиции в Бийск были: Франц Дышо, прибывший 29 марта 1865 г. к месту назначения; Иван Вятковский, 31 апреля 1865 г., поступивший в Бийск, поскольку оказался "неблагонадежным в по-

литическом отношении" и был выслан по распределению главного начальника Северо-Западного края под надзор полиции в Томскую губернию; Константин Стефанович, 20 сентября 1865 г., прибывший в Бийск; Амвросий Косаржевский, высланный из Ковенской губернии "за противодействие распоряжениям начальства относительно процессии крестьянских ходов" и политическую неблагонадежность, первоначально находившийся в Томске, с 11 апреля 1866 г. переведенный в Бийск; Михаил Олехнович, высланный из Виленской губернии "за неблагонадежность в политическом отношении" на житье в Томскую губернию, первоначально находившийся в Томске, с 3 июня 1866 г. в Бийске; Иосиф Лавкович, поступивший в Бийск с 12 июня 1867 г. [8].

В Кузнецке под надзором полиции находились: поступивший с 26 марта 1865 г. Викентий Юстинович; Андрей Домиников Кржижановский, сосланный на житье в Томскую губернию из Могилевской губернии "за политическое преступление по конфирмации временного командующего войсками Виленского военного округа с лишением духовных и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ", с 15 мая 1865 г., находившийся в Каинске, с 17 июня 1865 г. в Кузнецке; Альберт Григалюнович, лишенный духовного сана и по состоянию присвоенных ему прав за принятие у себя в доме мятежников из шайки Пословского, сосланный на жительство в Томскую губернию, с 16 августа 1865 г. находившийся в Кузнецке вместе с сестрой Екатериной [8] и другие.

Интересные упоминания о ссыльных ксендзах содержатся в воспоминаниях В.В. Берви, находившегося в Кузнецке в 60-х гг. XIX в. Берви отмечал, что ксендзы "отличались способностью к тому роду самоотвержения, которое прививается католическому духовенству его аскетическим воспитанием ... Это помогало им переносить свою судьбу с большой стойкостью и с большим достоинством ... Ни от одного из них я не слышал малодушного уверения, что он был против восстания ..." [4].

В Колывани под надзором полиции находились – 27 мая 1865 г. Адам Колышко, с 17 августа 1865 г. Северин Микутович, с 13 марта 1865 г. Николай Сволькин [8].

Следует подробнее остановиться на личности последнего. Николай Сволькин (по отдельным документам Сволькен), ксендз Бернардинского монастыря и Августовского костела, за неблагонадежность в политическом отношении, за участие в политических демонстрациях по конфирмации военного губернатора г. Ковно в 1864 г. был выслан без лишения прав "как вредный для пребывания в крае для постоянного жительства в Томскую губернию под строгий надзор полиции". Местом назначения определен г. Колывань [10]. Известно, что в июне 1865 г. Сволькин "обратился с просьбой о разрешении ему производить богослужения для находившихся в Колывани католиков, не имеющих возможности исполнять религиозные обряды", однако официально от генерал-губернатора Западной Сибири одобрения получено не было [11]. Лишь в 1867 г. исполнявший должность губернатора Михаил Курбановский сделал предписание о том, что "ксендзам, высланным в Сибирь по правительственным видам, воспрещено совершать богослужения впредь до особых распоряжений" [11].

В 70-х гг. XIX в. в положении польских ссыльных произошли определенные изменения. На основании Высочайшего повеления 13/17 мая 1871 г. политическим ссыльным возвращались прежние права, и они освобождались от надзора полиции. Кроме того "на основании Высочайшего повеления от 8 октября 1872 г. ... освобожденные от надзора полиции римско-католические священники могли быть назначены викарными к приходам великорусских губерний под надзор и ответственность настоятеля и негласное наблюдение полиции" [12]. В связи с этим в августе 1873 г. Николаю Сволькину было разрешено переселиться на жительство под надзор полиции в Костромскую губернию, откуда в 1874 г. он переехал в Курляндию, а в августе 1884 г. ему было "дозволено возвратиться на родину в Северо-Западный край" [13].

Среди польских политических ссыльных, находившихся в данный период на Алтае, нельзя не вспомнить женщин, сам факт пребывания здесь которых представляет немалый интерес, существенно дополняя общую картину политической ссылки. На основании списков политических преступников, высланных на жительство в Бийск, Кузнецк и Колывань, хранящихся в ГАОО (ф. 3) нам удалось установить, что 13 польских ссыльных – участников восстания 1863 г. в Царстве Польском прибыли на Алтай с женами и детьми. Среди них Франц Юхневич, поступивший в Бийск 9 апреля 1865 г. с женой Софией и сыном Станиславом; Казимир Осипович, поступивший в Бийск с 20 сентября 1865 г. с женой Марцианой, сыном Иорданом, дочерью Ириной, Михаил Еринович, поступивший в Кузнецк 16 августа 1865 г. с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Домбровской и другие [8].

В списке политических преступников, находившихся под надзором полиции и получавших пособие из Бийского окружного казначейства в 1867 г., указывалось, что Леопольд Козловский также отбывал наказание с женой Ангелиной, сыновьями Виктором и Каземиром; Игнатий Романовский с женой Ангелиной, сыновьями Каземиром, Антоном; Франц Козловский с женой Павлиной, причем ей выплачивалось по 75 коп. квартирных денег [14]. Интересно отметить, что ссыльный ксендз Альберт Григалюнович, находившийся в Кузнецке с 16 августа 1865 г., прибыл к месту назначения с сестрой Екатериной [8]. Таким образом, женщины разделили изгнанническую жизнь своих близких в Сибири.

Среди польских ссыльных, направленных на жительство под надзор полиции в Кузнецк, с 21 июля 1865 г. находилась Юлия Стефановичева с детьми Анастасией, Алабиной и Королиной, при-

нимавшая участие в восстании 1863 г. в Царстве Польском [8]. К сожалению, подробности об этом неизвестны.

Некоторые из ссыльных женились на местных жительницах. Так в Усть-Каменогорске женился на солдатской вдове Александре Константиновне Мучкиной Викентий Арцишевский, высланный в Сибирь "за нахождение в шайке мятежников" по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа от 24 сентября 1863 г. и определенный "в военную службу с лишением прав дворянства". Игнатий Бурачевский, сосланный за участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ, в 1869 г. "вступил в брак с девицей православного вероисповедания, дочерью унтер-офицера Пелагеей Алексеевой Федоровой"; Петр Станкевич, высланный по решению военного суда в Томскую губернию за участие в мятеже, женился в Усть-Каменогорске на крестьянке Евфросинии Матвеевой [15].

В целом, материальное положение ссыльных было тяжелым. С разрешения шефа корпуса жандармов политические ссыльные, находившиеся в Западной Сибири и не имевшие собственных средств к существованию, получали казенное пособие 57 руб. 4 ¼ коп. или 114 руб. 28 ½ коп. серебром в год. Это пособие выдавалось за каждый истекший год в феврале или марте следующего года [15]. Ссыльным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав и не имеющим собственных средств к жизни, разрешалось выдавать по 15 коп. в сутки [16]. Следует отметить, что польские ссыльные долгое время не получали определенного от казны пособия, затем оно стало выдаваться частями и ссыльные долгое время не могли обзавестись хозяйством. Казенное пособие выдавалось полякам периодически. Эта выдача находилась в непосредственной зависимости от материального состояния ссыльных. Если ссыльные имели занятия, которые давали нормальное материальное обеспечение или получали денежную помощь от родственников, то выдача казенного пособия им временно прекращалась. Вместе с тем, размер пособия был ничтожен и ссыльным было необходимо работать, чтобы обеспечить себя средствами к существованию.

Многие ссыльные занимались ремеслами. В Усть-Каменогорске занимался кузнечной работой Адольф Геберт, высланный за участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ; портняжным ремеслом занимался Венедикт Станкус, отданный в военную службу без лишения прав "за участие в мятеже" по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа и другие [15]. Известно, что пчеловодством занимались Викентий Арцишевский, Николай Пиотровский, отданный "за участие в мятеже" с лишением прав дворянства в военную службу в 4-й западно-сибирский батальон по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, Адольф Землевский, сосланный "за участие в мятеже" на житье в Сибирь, который занимался также хлебопашеством и другие [15].

Следует отметить, что малочисленность местной интеллигенции, нехватка грамотных людей, достаточно высокий образовательный уровень ссыльных вызывали их привлечение к работе в качестве педагогов, писцов и т.д. Примером этого может служить пребывание в Усть-Каменогорске Викентия Арцишевского, имевшего частные письменные занятия, с 1870 г. служившего писцом после окончания срока полицейского надзора, с 1875 г. – бухгалтером в городской управе [15].

Несмотря на стремление правительства к изоляции политических ссыльных от населения посредством запретов и ограничений, многие из них занимались учительской деятельностью, способствуя, таким образом, расширению кругозора, повышению культурного уровня народа.

Некоторые из ссыльных имели частные уроки в Усть-Каменогорске. Среди них можно отметить Леона Бербериуша, Николая Боровского, Бронислава Вецкого [15] и других. Особенно следует выделить Солеймана Сокольского, который открыл без всякого разрешения в своей квартире школу, где обучалось до 30 мальчиков и 2 девочки. Он преподавал сам чтение, письмо, четыре правила арифметики, Закон Божий. За обучение взималась плата от 50 коп. до 1 руб. в месяц с ученика. Школа просуществовала около 5 лет [15]. Таким образом, польские ссыльные способствовали просвещению населения, распространению грамотности среди простых людей.

В целом, польские политссыльные не могли не оказать определенного влияния на население Алтая, уже одним своим присутствием здесь привлекая к себе внимание. Для польской ссылки 60-х гг. XIX в. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. Б. Герасимов в связи с этим отмечал, что "ссыльные поляки являлись ... культурным элементом. Среди них немало было лиц с образованием. Местная интеллигенция относилась к ним ... с уважением" [15]. По воспоминаниям участника революционного движения 60-х гг. XIX в. Л. Пантелеева польская ссылка "... в огромном большинстве ... представляла высококультурный элемент" [17]. Значение польской ссылки определялось В.В. Берви-Флеровским одной фразой "они вносили с собой цивилизацию" [4]. Ссыльные поляки общались с местным населением и пользовались с его стороны уважением и добрым отношением, о чем, несомненно, свидетельствует отсутствие на них доносов во время расследования причин пожаров, что отмечалось нами ранее.

Педагогическая деятельность ссыльных, их занятия ремеслами, торговлей, пчеловодством и т.д. оказывали значительное влияние на жизнь региона. Важно отметить чтение полякам В.В. Берви-Флеровским лекций о русских социальных идеях в Кузнецке, что способствовало сближению русских

и польских ссыльных, распространению передовых идей. Очевидно, плохое знание поляками русского языка сужало в какой-то степени возможности их общения с местным населением.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что пребывание польских политических ссыльных в 60-х гг. XIX в. на Алтае является составной частью истории поляков в Западной Сибири. Безусловно, приведенные сведения не являются исчерпывающими, а проблема нуждается в дальнейшем исследовании благодаря привлечению новых источниковых материалов, что, несомненно, будет способствовать воссозданию полной картины польской ссылки на Алтае и в целом в Западной Сибири в XIX в. Одновременно это одна из интереснейших страниц складывания основ российско-польских взаимоотношений, контактов и связей в практическом общении в сибирском регионе, дополняющая один из аспектов разносторонней проблемы русско-польских отношений XIX в., не потерявших своей актуальности в настоящее время в условиях появления реальных возможностей для дальнейшего сотрудничества России и Польши.

Следует отметить, что потомки поляков на Алтае не забыли своих корней. Они создают национально-культурные просветительские общества и центры. Примером тому может служить деятельность польского общества в Барнауле (председатель В.С. Анискевич), активную помощь которому оказывает региональный Центр международного сотрудничества вузов Западной Сибири, организованный в АлтГТУ им. И.И. Ползунова (директор Н.М. Никонов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 252 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. – 4 эксп. 1864 г. – Д. 171. – 84 л.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1286. – Оп. 25. – Д. 1391. – 94 л.
4. Берви В.В. Воспоминания // Голос минувшего. – 1915. – № 6–8. – С. 110–126.
5. Берви Е.И. Из воспоминаний // Голос минувшего. – 1915. – № 7–8. – С. 127–142.
6. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. – Томск: ТГУ, 1972. – 284 с.
7. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 6314. – 57 л.
8. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 3. – Оп. 6. – Д. 7784. – 29 л.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. – 1 эксп. 1864 г. – Д. 277. – 21 л.
11. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 6318. – 42 л.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 427. – 37 л.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 177. – 20 л.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 730-а. – 114 л.
15. Герасимов Б. Ссыльные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – Вып. 12. – Семипалатинск, 1918. – 109 с.
16. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. – М.: Наука, 1966. – 143 с.
17. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. – Л.: Гослитиздат, 1958. – 847 с.

УДК 378:62:681.3(571)